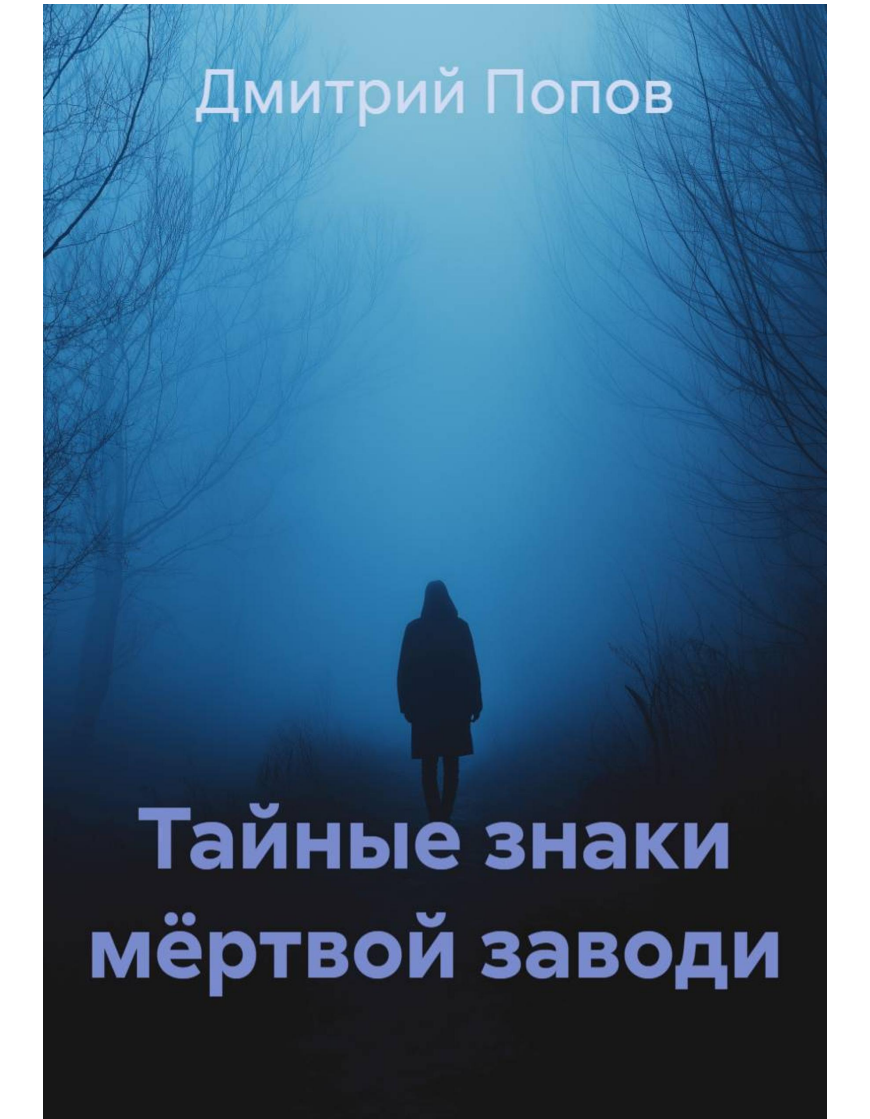

A person in a dark coat stands with their back to the camera in a misty, blue-toned forest. Bare tree branches frame the scene, creating a mysterious and eerie atmosphere.

Дмитрий Попов

**Тайные знаки
мёртвой заводи**

Дмитрий Попов

Тайные знаки мёртвой заводи

<https://litres.ru/74310408>

SelfPub; 2026

Аннотация

В середине мая 2023 года воронежский детектив Виктор Конвалля едет на дальний кордон под Воронежем расследовать дело гибели журналистки. Нити расследования ведут к секте, которую возглавляет Фёдор Банных — учёный-биолог, создавший собственную религию.

Виктор — не первый, кто берётся за это дело. Его коллега Николай Холодов, который вёл расследование до него, сошёл с ума после очередного посещения зловещего места. Теперь Николай заперт в клинике, а его рассудок полностью разрушен бредом о призраках, мифическом змее Уроборосе и древе Иггдрасиль.

Приехав на болота, где живут местные жители, Виктор мгновенно оказывается в западне. Отрезанный от цивилизации, без какой-либо связи с внешним миром, детектив остаётся один на один с обезумевшими жителями. В этой изоляции ему открываются не только пугающие секреты кордона, но и страшные личные тайны.

Содержание

Глава	4
Глава 1. Свинцовое небо и коробочка мачигуенга	5
Глава 2. Лавина	17
Глава 3. Приезд на кордон	25
Глава 4. Первая ночь на кордоне	34
Глава 5. Первый день на кордоне	40
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Дмитрий Попов

Тайные знаки

мёртвой заводи

Глава

Попов Дмитрий Альбертович

Тайные знаки мёртвой заводи

Детективный триллер

Глава 1. Свинцовое небо и коробочка мачигуенга

Середина мая в Воронеже задалось на удивление удачно. Небо за окном было затянуто мягкими облаками, которые обещали комфортный день без палящего зноя. В общем кабинете Первого отдела по расследованию особо важных дел СУ СК по Воронежской области, находящегося недалеко от памятника Ивана Бунина, стоял привычный гул: шуршали страницы, негромко переговаривались коллеги, а в воздухе витал дух мирной офисной рутины.

Капитан юстиции Виктор Конвалля, расположившись за своим рабочем столом, был занят делом, которое со стороны могло показаться расследованием государственной важности. Он проводил свой любимый утренний ритуал — создавал нужную композицию для чая из ингредиентов, которые сам собрал в Воронежских лесах. Для него это не было простым завариванием напитка; это было конструирование состояния, архитектура настроения, к которой он подходил с особой тщательностью.

Сегодня, глядя на пасмурное небо, Виктор решил составить чистый ноотропный коктейль, чтобы голова работала ясно и чётко с самого утра.

— Так, — весело мурлыкал он под нос, выбирая нужные баночки. — Основа — кипрей, ферментированный по всем правилам для глубины вкуса. К нему — лист малины и ежевики для мягкого тона. И, конечно, первоцвет весенний — лучший ноотроп наших краёв, чтобы мысли летели быстрее. А главный секрет вкуса он аккуратно высыпал на ладонь — это были щепотка сушёного копытня и душицы.

Процесс выбора трав захватывал его целиком. В этом проявлялся весь Виктор: в нём удивительно уживались высокий интеллект, педант, жадный до каждой мелочи, и творческая личность. Он рассуждал как настоящий конструктор: как составить компоненты, чтобы добиться синергии? Как обеспечить правильное взаимодействие, чтобы танины не блокировали полезные вещества, а вкус оставался сбалансированным?

Так как день был пасмурным, он сознательно не стал вводить в композицию «нутрикосметику» против солнечных лучей, которую обычно включал в свой травяной «коктейль» в мае. Также он отказался от актопротекторов для работы мышц, поскольку предстояла сидячая офисная рутина и лишние физические стимуляторы были ни к чему. К тому же, такие дефицитные компоненты, вроде дягиля надо было расходовать экономно.

Виктор педантично отмерял каждый грамм, зная, что ошибка в пропорциях может испортить вкус или ещё хуже: вызвать нежелательные побочные эффекты вроде излишней

тревожности или, наоборот, сонливости. Он учёл и риск возникновения толерантности — привыкания, когда одни и те же травы перестают оказывать эффект или замыливают вкус, поэтому постоянно искал новые сочетания.

Наконец, он залил смесь водой, нагретой ровно до 85 градусов.

— Главное — не убить душу листа кипятком, — наставительно произнёс он, обращаясь к своему коллеге напротив.

Виктор с упоением вдыхал аромат поднимающегося пара, чувствуя, как настроение взлетает вверх. Он обожал этот творческий процесс, который дарил ему вдохновение ещё до первого глотка, который он, впрочем, делал не очень быстро, так не любил горячие напитки.

Эта страсть к природной кухне зародилась ещё в детстве: его отец, Евгений Сергеевич Конвалля, тогда работал лесопатологом, и маленький Виктор проводил целые дни в компании лесников и жителей кордонов. Именно они научили будущего следователя хорошо ориентироваться в лесных растениях и готовить еду из даров природы. Он с удовольствием изучал рецепты лесных блюд.

30 ноября 2010 года, отца повысили до заместителя руководителя Управления лесного хозяйства по Воронежской области (солидная должность, соответствующая региональной структуре Рослесхоза) и семья стала частыми гостями в дорогих ресторанах. Виктор с азартом начал адаптировать

дары Воронежского бора к канонам высокой кухни, превращая дикоросы в изысканные ингредиенты.

Правда, в отделе главным объектом его экспериментов была вовсе не еда и даже не чай, а заморский кофе. Сам Виктор с детства не любил этот напиток, но с удовольствием угощал коллег плодами своих изысканий. Несмотря на то, что сослуживцы относились к его кулинарным экспериментам с некой опаской, так как не все его гастрономические находки соответствовали их консервативным вкусам, чаще всего его кофе был очень желанным в отделе.

Виктор смело шёл на эксперименты. Помимо классического цикория, он подмешивал в кофе обжаренные жёлуди, измельчённые корни пырея, лопуха, пряного аира и пр. Пенку он посыпал тёртой чагой или предварительно обработанной эвернией для придания специфического лесного аромата и другими лесными компонентами.

Не взирая на иногда случающиеся вкусовые фиаско, его кофе чаще всего признавали восхитительным. Его маленький секрет крылся в способе хранения. Виктор держал зерна в плотно закрытой банке в морозильной камере. Он доставал их лишь на мгновение, чтобы отсыпать нужную порцию, и тут же прятал обратно. Холод консервировал летучие ароматические масла, и этот мощный, яркий запах кофе часто успешно маскировал даже самые спорные лесные добавки, заставляя коллег просить «ещё одну чашечку того самого, с корешками».

Да, Виктор, — произнёс его коллега, Александр, сидевший напротив и с наслаждением втягивавший носом густой аромат, в котором терпкость зёрен смешивалась с лесными нотками эвернии. — Если тебе вдруг надоест разгребать все эти ужасы, тебе точно стоит открыть свой ресторан или бар. К тебе будет стоять очередь!

Виктор непринуждённо усмехнулся, помешивая ложкой свой травяной чай, в который он добавил собственноручно сделанный кленовый сахар.

— Судя по поножовщине, которая случилась на прошлой неделе в ресторане «Токио», мне и там не придётся скучать по своей нынешней работе, — отозвался он.

Коллеги весело рассмеялись. Виктор подлил Александру ещё немного «лесного состава», чувствуя приятное удовлетворение от того, как точно совпали пропорции.

В этот момент в кабинет ввалился Арсений Летучий — загорелый и в приподнятом настроении после отпуска. Радостно приветствуя коллег, он принялся пожимать всем руки. Виктор и Александр сидели в дальнем углу; когда Арсений добрался до них, он крепко сжал ладонь Виктора и спросил:

— Что, тебя можно поздравить с защитой диссертации?

— Да, уже почти месяц, как я кандидат юридических наук, — ответил Виктор.

— Ну ты герой! Поздравляю! — воскликнул Арсений. — Что за тема то была?

— «Криминалистическая идентификация и механизмы воздействия психоактивных токсикантов при расследовании насильственных преступлений».

— Ничего себе! Ну у тебя и голова... А о чём это вообще, если в двух словах?

— О том, как действуют психотропные яды, — пояснил Виктор.

— Круто! И когда теперь за докторскую сядешь?

— Я уже начал.

— Ого, ну ты даёшь! И как она будет называться?

— «Аэрогенные детерминанты девиации: системный анализ влияния летучих нейротоксинов на трансформацию личности», — отчеканил Виктор. — Это о том, как ольфакторные факторы обуславливают преступления.

В их разговор вмешался самый задорный сотрудник отдела, Леонид. Прихлёбывая кофе с эвернией, он усмехнулся:

— Звучит как-то совсем не по-русски и очень ругательно: «...факторные», да ещё и «факторы»!

Виктор, не в силах удержаться, пустился в объяснения:

— На самом деле всё просто: это о том, как химические вещества, находящиеся в воздухе, приводят к преступлениям. Может, кто-то слышал историю про древнегерманские племена? Они носили с собой коробочки с определёнными составами, которые нюхали перед боем, чтобы ввести себя в состояние иступления.

Сотрудники отдела, отвлёкшись от дел, сгрудились вокруг, чтобы послушать лектора, перекрыв проход. В этот момент в дверях показался всеми нелюбимый завхоз с тяжёлой коробкой в руках.

— Расступитесь, бездельники! — проворчал он. — Не видите — человек с грузом идёт?

Леонид шутливо преградил ему путь рукой:

— Погодите, Иваныч! Сейчас только Виктор защитит докторскую диссертацию

Раздался дружный хохот. Но, завхоза-брюзгу, сразу же

пропустили, и он проследовал мимо, бросая гневные взгляды на «следователей-тунеядцев».

— Слушайте, — встрял Леонид. — Если запахи способны толкать на преступления, то наш завхоз представляет серьёзную опасность для общества. От него вечно разит дешёвым табаком, квашеной капустой, а после выходных ещё и перегаром. Его надо изолировать, он же буквально обостряет криминогенную обстановку!

В разговор вмешался Арсений:

— А что, запахи стимулируют только на подвиги из Уголовного кодекса? Может, они могут сподвигнуть девушку пойти на свидание или на что-нибудь посерьёзнее?

— Тебе, Сеня, просто надо сменить свой одеколон, тогда, глядишь, кто-нибудь и клюнет, — хохотнул Леонид.

Александр, не отрываясь от бумаг, подал голос:

— Попроси лучше Виктора сделать тебе парфюм. Аромат от этого его кофе — пока лучшее, что случилось со мной за весь день. — Он посмотрел на Виктора: — Кстати, что ты туда добавил? Пахнет настоящей дубравой.

— Это эверния, дубовый мох, — пояснил Виктор. — Его часто используют в парфюмерии как базу. Например, знаменитый «Шанель №19» раньше создавался именно с добавлением этого лишайника.

— Ну, а для мужчин есть что-то такое? — оживился Ар-

сений. — Чтобы, знаете, вдохнула — и сразу ко мне домой.
Леонид тут же подхватил тему:

— О, идея! Слышали про «Нос вина» — наборы ароматов, которыми пользуются сомелье? Нам надо сделать такой же «Нос следователя». Чтобы приводить себя и окружающих в нужное состояние. Прикиньте, как круто!

— Что-то подобное действительно существует у племён Амазонки, — с улыбкой ответил Виктор. — Например, индейцы мачигуенга хранят составы в специальных ёмкостях и открывают их перед определёнными событиями. Перед войной используют порошки, вызывающие агрессию, перед охотой — составы для обострения зрения и слуха, а на праздники — те, что вызывают эйфорию. Чем мы хуже?

Виктор выдержал паузу и его лицо стало серьёзным.

— Но моя докторская одними триггерами не ограничивается. Я буду разбирать системное воздействие летучих веществ на поступки. Многие соединения действуют незаметно и в течение очень длительного времени. Исследователи Рик Невин и Уолпоу Рейс сформулировали так называемую «свинцовую гипотезу». Они провели статистический анализ и выяснили, что устранение свинца из бензина привело к падению уровня насильственных преступлений на 56%. Свинец реально меняет мозг. Примером тому может служить и Тео Банди — он долгое время жил в зоне влияния выбросов,

насыщенных свинцом. В итоге внешне нормальный человек после долгого воздействия на мозг тяжёлых металлов превратился в серийного убийцу, который уже ничего не мог с собой поделать, — подытожил Виктор. — Похожая история случилась и с ещё одним маньяком, Гэри Риджуэем: он много лет работал маляром и красил автомобили свинцовыми красками. У него были очень плохие зубы — свинец в организме начал вытеснять из них кальций.

Не успел Виктор закончить свой рассказ, как распахнулась дверь, и в комнату ворвался встревоженный оперуполномоченный.

— Ребятки, у нас беда!

Александр первым спросил:

— Что случилось?

— Я привёз Николая Холодова с кордона, где он расследовал дело убитой журналистки. Он там сошёл с ума! Мне пришлось пересадить его в отсек для задержанных, он просто не давал мне вести...

— И где он сейчас? — нахмурился Александр.

— Там, внизу, в машине. Я пойду узнаю у полковника,

что с ним делать.

— Дай ключи, мы его проведем, — бросил Леонид, перехватывая связку.

Они спустились вниз и увидели обезумевшего Холодова. Как только Леонид открыл дверь отсека, Николай бросился к нему и крепко обнял.

— Какой ты тёплый... — прошептал он, не разжимая объятий. — Я там пытался согреться, но всё тепло уходило в пасть змея.

Леонид осторожно отстранил его:

— Коля, что случилось?

Николай:

— Я видел дух Марины. Журналистка приходила там ко мне.

Затем он молча засучил рукав и показал татуировку на левом запястье. Николай Холодов сделал её при втором визите на кордон и несколько дней назад с гордостью демонстрировал всему отделу. На ней был изображён змей, пожирающий свой хвост — Уроборос, сомкнувшийся вокруг великого ясеня Иггдрасиля. Татуировка красовалась на том же месте, что и у их шефа, Игоря Борисова. И точно так же, как начальник набил там свои инициалы латинскими буква-

ми «VI» на двух колоннах, Николай вывел над рисунком собственные, но, как он объяснил всем, рунами старшего футарка: Наутиз, означающую «Н» от Николай, и Хагалаз — «Х» от Холодов.

Указывая на Иггдрасиль, Николай задрожал:

— Корни этого древа теперь растут внутри меня... А змей, — он переместил палец на Уробороса, — сжимает кольца каждый раз, когда я пытаюсь дышать.

Затем он начал монотонно, словно молитву, бормотать странные, резкие слова на языке, который никто не мог разобрать:

— «snýsk Jörmungandr í jötunmóði; ormr knýr unnir»

Все замерли в тягостном недоумении. В этот момент вернулся оперуполномоченный.

— Полковник сказал везти его в психбольницу. Он буйный, родственникам отдавать опасно. А вас, Леонид, Арсений, Виктор, и Александр шеф вызывает к себе.

С этими словами оперуполномоченный захлопнул дверь «стакана», сел за руль и уехал, оставив следователей в тяжёлой тишине внутреннего двора.

Глава 2. Лавина

Все приглашённые собрались в кабинете шефа. Полковник Игорь Сергеевич Борисов был сильно возбуждён и даже не стал дожидаться, пока подчинённые рассядутся по местам.

— Наши недруги называли нас ЛАВИНА не только из-за первых букв наших имён, — полковник тяжело опёрся ладонями о стол, обводя взглядом четверых следователей: Леонида, Арсения, Виктора и Александра. — Но и потому, что мы действуем молниеносно и сносим преступный мир на своём пути. Сейчас мы потеряли важного члена нашей команды — Николая. Но мы не потеряли наш дух и нашу силу. Лавина не может остановиться на полпути, иначе она превратится в неподвижную кучу снега. Чтобы очистить имя Холодова и докопаться до того, что его сломало, нам нужно набрать прежнюю скорость.

Но, тут его дух подугас и он продолжил уже потерянным голосом:

— Я еще после первого визита Николая понял, что там чертовщина творится. Это гиблое место, не зря его выбрали сектанты. Там они духов из болота вызывают, и вот к чему это всё привело. Ребятки, я не могу кого-либо из вас заставить ехать в эту преисподнюю. Там живет нечистая сила. Кто-то сам должен принять решение: кто возьмётся за дело

журналистки, несмотря на полтергейста и привидений, которых пробудили эти фанатики?

В разговор вступил Виктор, сохраняя ледяное спокойствие:

— Да нет там никаких привидений и полтергейста, Игорь Сергеевич. Их вообще не существует. Просто Холодов в это слишком сильно верил, вот и не выдержал разум.

Шеф пристально посмотрел на него:

— Ну, что же, коли у нас есть доброволец, тогда можно расходиться. Виктор будет вести дело погибшей журналистки... Если ты, конечно, не боишься. Не боишься?

— Вообще нет, — ответил Виктор. — Но даже если бы и боялся, всё равно после такой фразы взял бы это дело.

— Ну отлично. Только ты, пожалуйста, береги себя, — Игорь Сергеевич вдруг смягчился. — Ладно, ты у нас материалист до мозга костей, от тебя черти сами шарахаться будут. Ежель, только кикимора болотная за попку ухватит, — он подмигнул, но тут же снова стал серьёзным. — Хотя ты не веришь в мистику, там явно что-то происходит. Мы во всём тебе будем помогать. Ты парень умный, кандидат наук, кто, как не ты, в этом разберётся?

После этого полковник отпустил всех. Виктор забрал из сейфа Николая пухлую папку с документами, перенёс её к

себе, открыл файл на компьютере и погрузился в изучение злосчастного дела Марины — журналистки, которая так и не вернулась живой из Мёртвой заводи.

В материалах дела, которые Виктор открыл с профессиональным азартом, сухие факты складывались в пугающую картину.

Объект: Марина Навка, 27 лет, журналист-расследователь.

Хронология: 24 апреля 2023 года (три недели назад) Марина отправилась в командировку. По официальной версии редакции — для сбора материала по экологическим преступлениям в пойме реки Воронеж. По данным геолокации её смартфона, она целенаправленно двигалась в сторону удалённого кордона. Сигнал пропал почти вскоре после того, как её автомобиль въехал под густые своды леса.

Сначала Марина числилась пропавшей без вести. Поисковые отряды безуспешно прочёсывали лес. Но через две недели было обнаружено уже её тело в реке Воронеж — течение вынесло его далеко от того места на мелководье. Из-за длительного пребывания в воде и специфического состояния тканей следствие так и не смогло достоверно установить причину смерти. Официальное заключение гласило: «утопление», но под ним стоял жирный знак вопроса.

Николай Холодов впервые прибыл на кордон на следующий день после того, как опознали тело. В папкеохрани-

лись его первые рапорты — ещё чёткие, написанные рукой уверенного в себе следователя. Он допрашивал местных жителей и главу общины — некоего Фёдора Банных.

Виктор внимательно изучил справку на Банных. Оказалось, «пророк» имел блестящее академическое прошлое:

Образование: Окончил Воронежский государственный лесотехнический институт.

Учёная степень: Кандидат биологических наук. Долгое время работал на кафедре, публиковал статьи по гидробиологии и лесопатологии.

Смена деятельности: Неожиданно для коллег бросил карьеру и ушёл «в поле» — сначала простым лесником, а затем и вовсе обосновался на этом кордоне, собрав вокруг себя последователей.

На полях рапорта Виктор заметил, как менялся почерк Холодова. Если вначале он писал «Банных Ф. О.», то ближе к концу папки в тексте всё чаще мелькало слово «Пророк». Жителей кордона Николай перестал называть «гражданами», заменяя это определение коротким и резким — «секта».

Виктор захлопнул папку: кабинетная стадия расследования была окончена. Он быстро подготовил свою портативную криминалистическую лабораторию — компактный кейс, укомплектованный реагентами, пробирками, портативным анализатором, а также секционным набором. Захватив документы и плотную куртку, он вышел к машине.

Дождь уже всюду барабанил по асфальту, смывая пыль с воронежских улиц. Путь до кордона должен был занять чуть более двух часов. Виктор планировал до темноты провести первичный осмотр местности и выйти на контакт с тем самым «пророком» Банных. Выезжая со стоянки управления, он бросил взгляд на пассажирское сиденье, где лежал его чемоданчик: сегодня его главным оружием были не только статьи закона, но и чувствительные датчики прибора в сочетании с холодным научным расчётом.

Чуть позже, в 6 часов вечера Виктор уже ехал по трассе на кордон. Стеклоочистители бешено метались, сгребая потоки воды, но видимость всё равно оставалась паршивой. Виктор сжал руль крепче, когда фары выхватили знакомый дорожный указатель. Где-то там, за пеленой ливня, находился поворот к отцовскому дому. Виктор выбрал контакт из своей телефонной книжки и нажал кнопку громкой связи. Голос отца прорвался сквозь шум дождя и гул мотора.

Пап, привет! Ты сейчас у себя? — спросил Виктор, глядя в тусклый свет за окном.

Привет, сынок. Нет, я на выезде в лесу в сорока километрах. Удачно ты меня застал на связи, тут мало где берёт. Я здесь ночью и буду только через неделю, — отозвался Евгений Сергеевич. Его голос звучал глухо, возможно, из-за плохой связи в лесах.

Виктор:

— А мама ещё в санатории?

Евгений Сергеевич:

— Да, пока там. Завтра возвращается. А ты что, хотел приехать? Что-то срочное?

Виктор притормозил перед поворотом. В свете фар мелькнули серые стволы деревьев и раскисшая обочина.

Виктор:

— Да нет, не срочно. Просто я сейчас буду проезжать мимо твоего дома. Думал ненадолго заскочить.

Евгений Сергеевич:

— А куда ты едешь? — в голосе отца проскользнуло беспокойство.

Виктор:

— Я решил взять дело гибели журналистки, найденной в реке. Сейчас еду на кордон, куда она направлялась. Хочу узнать, была она там на самом деле или нет.

— Сынок, будь осторожен! — быстро проговорил Евгений Сергеевич.

Виктор усмехнулся, перебивая: — Ты же знаешь, я не верю в мистику.

Евгений Сергеевич:

— Дело не в мистике, — тон отца мгновенно стал жёстким и серьёзным. — Там бывший учёный, который сошёл с ума объявил себя пророком и создаёт свою религию. Местные жители одурманены его манипуляциями. Там нет никакой связи, чтобы в случае чего вызвать подмогу. Я уверен, что он и тебя попытается вовлечь в свою секту. А если не получится

— может прибегнуть к более жёстким методам.

— Я тебя понял, — спокойно ответил Виктор. — Но для меня такие персонажи — это просто несостоявшиеся актеры с комплексом бога. Стоит лишь на их аудиторию поднажать законом, как вся их «святость» рассыпается. Я справлюсь.

— Витя, это не городские тренинги, — в голосе Евгения Сергеевича проскользнуло раздражение, смешанное со скрытой тревогой. — В тех краях люди живут по другим законам. Ты там будешь один против всех. Если этот проповедник решит, что ты угроза его «пастве», полиция из города не успеет доехать вовремя. Обещай мне, что не будешь лезть на рожон.

Виктор:

— Обещаю, что буду осторожен. Ладно, связь начинает барахлить.

Евгений Сергеевич:

— У меня тут связь тоже плохая. Приезжай к нам через неделю. Удачи, сын.

В этот момент динамик отозвался короткими гудками. Виктор положил телефон на пассажирское сиденье и взгляделся в лобовое стекло. Машина свернула с трассы на дорогу, ведущую к кордону. Она сужалась, превращаясь в узкий туннель из переплетённых ветвей, которые в свете фар казались костлявыми пальцами. На развилке асфальтовое покрытие закончилось и перешла в грунтовку. Колеса мгновенно начали вязнуть в раскисшей колее. Дождь усилился, пре-

вращая суглинок в скользкое масло. Виктор чувствовал, как цивилизация остаётся позади с каждым километром.

Глава 3. Приезд на кордон

Когда, Виктор приехал в пункт назначения – на кордон, он заглушил мотор, и тишина обрушилась на него, словно физический груз, прерываемый лишь мерным стуком капель по крыше. Часы на панели показывали около четверти восьмого вечера. В середине мая в этих широтах ещё должно было быть светло, но плотные свинцовые тучи и непрекращающийся ливень превратили вечер в глубокие, грязные сумерки. Воздух здесь был тяжёлым, спёртым, пропитанным едким запахом прелой ольхи и застойной воды, затмеваемый вонью тухлых яиц. Он вышел из машины, и ледяной дождь мгновенно пропитал куртку, затекая за воротник.

Вокруг расстился мир, который сложно было назвать живым. Кордон застыл в кольце болот, которые в сумеречном свете казались бездонными провалами чёрной смолы. Ощущалось будто сама земля под ногами издаёт тихий, едва уловимый стон, а искривлённые стволы деревьев, окутанные клочьями тумана, походили на изувеченных часовых, стерегущих границы безумия.

Виктор ожидал увидеть «ученого-расстригу» Фёдора, но из серого тумана к нему вышла женщина. Её вид заставил Виктора непроизвольно напрячься. Бледная, почти прозрачная кожа обтягивала скулы, а зрачки, неестественно расширенные, отражали свет фонаря автомобиля мертвенным

блеском. На ней был поношенный ватник, а голос её — хриплый, надтреснутый, словно надломленный старый сук — резал слух:

— Приехал всё-таки... — проговорила она, не мигая.

Виктор достал удостоверение, стараясь сохранить официальный тон.

— Следователь Виктор Конвалля. Кто здесь главный? Мне нужно видеть Фёдора.

Женщина даже не посмотрела на документы. Её взгляд был направлен куда-то за плечо следователя.

— Фёдор уже ложится спать. Здесь совы не кричат, когда пророк отдыхает. Увидишь его завтра. Но «опер» нас предупредил, что пришлют нового... Мы тебя ждали.

Она сделала приглашающий жест в сторону покосившегося дома.

— Пойдем, провожу в твою комнату.

— Мне нужно переговорить со всеми сейчас, — отрезал Виктор, поправляя мокрый воротник. — У меня нет времени ждать до утра.

Женщина остановилась и медленно повернула к нему голову. Её губы растянулись в подобии улыбки, обнажая тёмные зубы.

— Здесь никто с тобой в такое время говорить не будет, милоч. Тут люди встают с рассветом и ложатся рано. А по ночам на кордоне лучше вообще рта не раскрывать — болото не любит лишних звуков.

Виктор оглянулся на дорогу. Просека, по которой он только что пробирался, уходила в низину. Он видел, как вода в ложбине прибывает на глазах, превращая путь в непролазную ловушку. Ему чудом только что удалось пробраться через эту грязь, а пытаться проехать обратно в такую погоду и ещё в такой глуши было бы верхом безрассудства.

— Хорошо, — процедил он сквозь зубы. — Ведите. Переночую.

Они направились к дому, следуя по колее, проделанной автомобилями, которая вела к деревянному строению. Дорога упиралась в приземистый гараж, пристроенный к основному зданию, но женщина молча указала на тропу, ведущую в обход. Им пришлось огибать дом, чтобы попасть к входу с обратной стороны.

Ливень и без того казавшийся стеной воды усилился. В тусклом свете уходящего дня Виктор видел, как наружные горбыли стен дома поросли склизким лишайником, а из-под фундамента, словно щупальца, выбивались черные искривленные корни. Тишина здесь не была спокойной — она казалась натянутой струной, готовой лопнуть от любого шороха болота.

Когда они вошли внутрь, женщина щелкнула выключате-

лем. Под потолком тускло замерцала «лампочка Ильича» — пыльный реликт, свисающий на перекрученном матерчатом проводе, едва освещающая комнату. Виктор замер на пороге. Вид был гнетущим: стены были оклеены старыми, пожелтевшими обоями, которые во многих местах отошли от сырости и были буквально изъедены черной и серой плесенью, образующей причудливые, пугающие узоры. В углу высилась массивная печка, от которой вместо тепла веяло холодом. Окно, единственная связь с внешним миром, было наглухо заколочено досками с наружной стороны, отчего комната казалась склепом.

В нос ударил тяжелый, слоистый смрад. На подоконнике прямо у заколоченного окна стояла ваза с ландышами, чьи белые колокольчики казались в этом сером гниении маленькими зубами, но их приторный аромат не спасал — он странным образом смешивался с едким душком плесени, сырости, сквозь которые пробивалось нечто сладковато-металлическое.

— Располагайся, — хрипнула женщина. — Здесь до тебя городской жил. Он всё бумаги листал, пока кричать не начал.

Виктор понял, что речь шла о его предшественнике, следователе, который провёл здесь всего три дня после чего сошёл с ума, твердя о «змее», духе журналистки и прочем бреде.

Женщина указала на щербатый деревянный стол.

— Хлеб свой, рожь своя. В супе — всё, что река и лес

дали. Кушай, следовательно, силы тебе понадобятся. А колодец наш внизу по тропинке, коли воды захочешь.

На столе стояла глиняная миска с зеленоватым варевом из крапивы и щавеля, из которого сиротливо торчал рыбий плавник. Рядом — тарелка с комковатой темной кашей с грибами и кружка с чёрным, как деготь, чаем. Виктор посмотрел на еду. В свете тусклой лампы ржаная каша отливала странной синевой, а от чая исходил тяжелый, землистый пар.

— А чай из чего? — спросил он, стараясь не смотреть женщине в глаза.

— Чага да кипрей. Лекарство от суеты, — коротко сказала она и, не дожидаясь ответа, вышла, тяжело притворив дверь.

Виктор остался один. Он молча подошёл к столу и поставил на него кейс, рядом с его суровой трапезой. Разложив документы на свободное место, он решил сначала поесть. Единственное, к чему он решился притронуться, был кусок грубого ржаного хлеба. Его плотная, почти чёрная мякоть казалась самым съедобным блюдом на столе. Виктор отломил край, чувствуя тяжелый злаковый дух, и медленно съел его, стараясь не смотреть на остальное.

Зеленоватое варево с плавником вызывало лишь отвращение, а кружка с чаем и вовсе пугала. Густой, землистый пар, поднимавшийся от чёрной жидкости, делал напиток больше похожим на приворотное зелье Бабы-яги, чем на обычный кипрей. Виктор представил, как этот деготь обжигает горло,

и инстинктивно отодвинул кружку подальше.

Жажда, тем временем, становилась невыносимой. Решив не рисковать с местными настоями, он взял флягу. Лучше было спуститься к колодцу и набрать простой воды, чем гадать, какие секреты болота растворены в этом тёмном отваре.

С походной флягой Виктор вышел наружу. Сумерки сгустились, но серое небо ещё позволяло различать очертания предметов. Он двинулся вниз по тропинке. Сруб колодца стоял в нескольких метрах от дома, у края подступающего болота, окружённый зарослями некошенных растений, а с веток деревьев над топью свисали жуткие «броды» уснеи. Из-за паводка вода в болоте сильно поднялась и колодец оказался всего в десяти метрах от него.

Виктор опустил ведро, набрал воды и сделал несколько жадных глотков. Закрывая флягу, он заметил вдали странное движение над самой поверхностью болота. В густых зарослях камыша, окутанных туманом, на мгновение вспыхнул и тут же погас бледный, белесый огонёк, похожий на приведение.

Он уже собирался повернуть к дому, как вдруг вдали уловил движение в густых зарослях камыша. Там, где туман стоял плотной стеной, на мгновение всплыло нечто бледное и бесформенное. Это было мимолетное, почти призрачное видение — светлый силуэт, который на долю секунды сложился в очертания человеческой фигуры, застывшей над черной

водой, и тут же растворился в серой мгле.

Виктор замер, вцепившись пальцами в холодную флягу. Сердце глухо ударило в ребра.

— Глупости, — прошептал он, заставляя себя дышать ровнее. — Просто воображение.

Он тряхнул головой, отгоняя морок. Рациональный ум тут же нашел оправдание: все эти разговоры отца о «пророчке», предостережения шефа, жуткий вид женщины и давящая атмосфера кордона просто сделали свое дело. Он слишком много думал о мистике, слишком глубоко погрузился в чужие страхи, и теперь усталое сознание подsunуло ему картинку, сотканную из клочьев тумана и преломлённого света.

— Ты просто накрутил себя, Конвалля, — жёстко сказал он себе. — Иди в дом и готовься спать. Тебе мерещится то, чего здесь нет.

Он быстро пошёл вверх по тропинке, стараясь не смотреть на камыши, но чувство, что за его спиной кто-то стоит, колючим холодом пробежало по позвоночнику. Закрыв за собой хлипкую дверь в свою комнату, он сел за стол. Тусклая лампочка под потолком едва заметно дрожала, а аромат ландышей с подоконника теперь казался ещё более густым. Он словно заполнял пустоту, оставленную его недавним страхом.

Виктор погрузился в изучение материалов дела, стараясь игнорировать гнетущую тишину. Однако через час буквы в документах начали двоиться.

Подняв глаза от папок, Виктор невольно уставился на стену сбоку от заколоченного окна. В тусклом, пульсирующем свете «лампочки Ильича» пятна чёрной плесени, изъевшие бумагу, начали менять свои очертания. Ему показалось, что хаотичные разводы сырости складываются в чёткие, пугающе образы. Плесень не просто покрывала стены; она словно прорастала сквозь них и воздух, обретая зловещие формы и лица.

Виктор тряхнул головой, пытаясь отогнать наваждение.

Показалось. — подумал следователь.

Но когда он снова взглянул на обои, образы не исчезли. Напротив, они стали отчётливее, и ему почудилось, что глаза, сформированные пятнами гнили, медленно поворачиваются вслед за его движениями. Комната, запертая снаружи досками, превратилась в камеру обскура, где стены транслировали его собственные подсознательные страхи.

Виктор закрыл папку с делом и с силой потёр лицо ладонями.

— Похоже, я перетрудился, — прошептал он, стараясь, чтобы звук собственного голоса вернул его в реальность. — Мне нужно ложиться спать. Сегодня был очень насыщенный день.

Он заставил себя не смотреть на стены, где плесень продолжала свою безмолвную игру теней. Логика подсказывала: усталость, двухчасовая дорога под ливнем и пристальные мысли просто перегрузили мозг. Ему нужно было хотя бы

несколько часов забытья, чтобы завтра встретить «пророка» с ясной головой.

Он не стал раздеваться, лишь снял ботинки и накинул на плечи куртку и выключил свет. Сетка кровати прогнулась под его весом с резким, скрежещащим звуком. Виктор закрыл глаза, но даже сквозь веки он чувствовал, как стены формируют жуткие образы.

Глава 4. Первая ночь на кордоне

Виктор провалился в тяжёлое забытие, которое нельзя было назвать сном. Это было падение в вязкую серую бездну, где время растягивалось, как болотная тина.

Ему казалось, что доски на окне начали медленно раздвигаться сами собой, пропуская внутрь полосы мертвенно-бледного лунного света. В нём комната ожила. Пятна плесени на обоях зашевелились, сплетаясь в огромные, пульсирующие узоры, которые медленно сползали со стен на пол.

В углу, у холодной печи, возник силуэт. Это был Пророк. Его фигура казалась сотканной из тумана и пепла, а глаза светились тем самым неземным, фосфоресцирующим светом, который Виктор видел над колодцем. Фёдор не произносил ни слова, но его присутствие давило на грудь, вытесняя воздух.

Затем из-под пола начал подниматься шепот — сотни невнятных голосов, сливающихся в единый стон. Сетка кровати под Виктором внезапно стала ледяной и влажной. Он посмотрел вниз и увидел, что лежит не на матрасе, а на поверхности черной воды. Из глубины к нему тянулись тонкие, белые руки.

Появилась Марина. Её лицо было изуродовано смертью. Она возникла прямо перед ним, зависнув в воздухе. Её платье было сухим, но волосы развевались, словно она находи-

лась под водой. Она открыла рот, и из него посыпались мелкие белые цветы ландыша, заполняя комнату, забивая Виктору нос и горло. Он пытался закричать, но вместо крика из его груди вырывался лишь хрип.

В дверном проеме, который внезапно стал бесконечно высоким, возник силуэт отца. Евгений Сергеевич стоял вполоборота, его лицо оставалось в густой тени, но Виктор чувствовал его тяжелый, осуждающий взгляд. Отец медленно поднял руку и указал на вазу с ландышами, которая начала светиться изнутри зловещим зеленым огнем.

— Ты не должен был приходить, Витя... — эхом пронеслось под потолком, хотя губы отца не шевелились. — Здесь мертвые стерегут мертвых.

Виктора подбросило на кровати. Ему почудилось, что чьи-то невидимые пальцы сомкнулись на его горле. Он чувствовал, как по коже бегает ледяные искры, а в ушах нарастает невыносимый, вибрирующий гул, от которого дрожали зубы. Это был чистый, первобытный ужас — ощущение, что сама реальность в этой комнате вывернулась наизнанку, впуская в наш мир нечто древнее и злое, обитающее в глубинах болота.

Он рванулся вверх, пытаясь проснуться, но кошмар не отпускал, наслаивая одно видение на другое, пока грань между сном и явью не стерлась окончательно в этой запертой снаружи камере.

Виктор резко вскинулся на кровати, хватая ртом воздух.

Сердце колотилось о рёбра, как пойманная птица, а лоб был скользким от ледяного пота. Он попытался нащупать фонарь, но пальцы провалились во что-то мягкое и шевелящееся.

Это не было пробуждением. Стены комнаты медленно дышали, а тусклая «лампочка Ильича» под потолком налилась багровым, пульсирующим светом. Виктор почувствовал невыносимый зуд в горле, словно там застрял комок сухой коры. Он широко раскрыл рот, чтобы закричать, позвать на помощь, выплеснуть сковавший его ужас, но вместо звука из его гортани хлынул поток живой тьмы.

Сотни, тысячи жуков-заболонников посыпались из его рта на одеяло. Глянцевые черные спинки хитиново поблескивали в багровом свете. Они не просто падали — они целенаправленно разбегались в разные стороны, мгновенно покрывая его руки, заползая под куртку, впиваясь в кожу микроскопическими челюстями. Виктор видел, как под его кожей начали проступать извилистые дорожки — такие же, какие жуки оставляют на мертвых дубах.

Он в ужасе вскочил, пытаясь стряхнуть их с себя, но пол под ногами стал податливым и липким. Прямо из-под гнилых половиц начали прорастать белые, костлявые стебли ландышей. Они обвивали его щиколотки, затягивая обратно в кровать, которая на глазах превращалась в илистую яму.

Внезапно он посмотрел окно. Доски на нём исчезли, но за ними не было леса. Там стояла бесконечная стена воды, в

которой, как в огромном аквариуме, плавало тело мёртвой Марины. Вдруг она резко открыла глаза и прижалась лицом к стеклу. Она беззвучно шевелила губами, и Виктор, охваченный параличом, понял, что она считает. Считает удары его собственного сердца, которое замедлялось, подчиняясь её ритму.

Стены начали осыпаться серой пылью, обнажая под обоями не дерево, а переплетение гигантских, пульсирующих сосудов. Комната превратилась в нутро какого-то огромного, разлагающегося организма. Прямо перед Виктором из пустоты соткался силуэт отца. Евгений Сергеевич держал в руках ту самую вазу, но в ней были не цветы, а бьющееся человеческое сердце, проткнутое иглой лесопатолога.

— Ты — часть этого леса, Витя, — прошептал отец, и его голос отозвался вибрацией в костях Виктора.

В этот момент багровая лампа над головой потухла, и Виктор почувствовал, как тьма, пахнувшая чесноком и сырой землей, окончательно заполняет его легкие и всё вокруг. В какой-то момент она сгустилась до плотности дегтя, и из угла выступил Фёдор. Его глаза, два фосфоресцирующих провала, пригвоздили Виктора к кровати.

— Ты пришёл не из города, — прошептал Пророк, — ты пришёл из детства.

И реальность вывернулась наизнанку.

Виктор оказался в лесу, но это не был светлый лес его детства. Это была чаща, объятая вечным сумраком. Впереди,

не замечая сына, двигался Евгений Сергеевич. Он выглядел как обычно — строгий, сосредоточенный профессионал. Но каждое его движение было пропитано пугающей методичностью. Отец подходил к вековым дубам и коротким, точным движением делал надрезы. Из-под коры не летела щепа — оттуда медленно, густыми толчками струилась темная, тяжелая кровь. Она заливала корни, окрашивала траву, но отец лишь переходил к следующей жертве. Виктор хотел окликнуть его, но голос застрял в горле.

— Беги, пока можешь! — раздался хриплый крик над самым ухом.

Виктор обернулся и увидел человека в лохмотьях форменного кителя. Это был его предшественник. Безумный следователь вцепился в плечо Виктора, его лицо было искажено тиком:

— Это место проклято! Болото уже у тебя в голове, Виктор! Оно уже пустило в тебя грибницу! Ты чувствуешь, как его споры прорастают сквозь твои мысли, превращая их в труху?!

Виктор в ужасе оттолкнул его и бросился прочь. Ноги утонули в вязкой жиже. Он пытался ухватиться за торчащие из воды корни и ветки, но, когда его пальцы сжимали опору, она оказывалась холодной и скользкой. С ужасом он понял, что держится не за дерево — это были синюшные, распухшие руки мертвецов, поднимающиеся из трясины. Десятки

пальцев вцепились в его одежду, пытаясь затащить в бездонную черную воду.

Захлебываясь, Виктор вырвался, пополз до берега и рухнул на спину, жадно хватая ртом воздух. Он повернул голову и вскрикнул: прямо над ним склонилось лицо женщины, которая привела его в дом. В полумраке сна её черты превратились в оскал разлагающейся плоти, глаза светились голодным огнем.

— Силы тебе понадобятся, следовательно... — прошелестела она, и этот звук стал реальностью.

Виктор распахнул глаза. В комнате стоял серый, промозглый рассвет. Дверь, которую он забыл закрыть на засов, была приоткрыта. Та самая женщина стояла у стола, ставя на него свежую миску.

— Поесть надо, — проскрипела она, косясь на остатки вчерашнего ужина. — Вижу, только хлеб и погрыз. Так долго не протянешь. Болото слабых не любит.

Виктор сел, чувствуя, как реальность давит на него не меньше кошмара. Запах ландышей смешивался с ароматом свежего варева, а в висках всё ещё стучали слова безумца о том, что болото уже начал заполнять его мозг.

Глава 5. Первый день на кордоне

Виктор сел на кровати, чувствуя, как мир вокруг него медленно и тяжело вращается. Каждое движение отдавалось в висках ударами кузнечного молота. Он вежливо, но сухо поблагодарил женщину, стараясь не смотреть на дымящуюся миску. Запах еды, перемешанный с приторным ароматом ландышей, вызвал у него спазм в желудке. Его мутило, а во рту стоял стойкий привкус металла.

Только воды, — прохрипел он, беря свою флягу.

Женщина тихо ушла.

Прохладная вода из колодца на мгновение прояснила сознание, но тяжесть в голове никуда не исчезла. В памяти всё ещё звучал крик безумца: «Болото пустило в тебя мицеллий, Виктор! Ты чувствуешь, как его нити прорастают сквозь твои мысли?» Ему казалось, что он и вправду ощущает это — тонкие, невидимые грибницы, оплетающие его разум, заставляя реальность истончаться.

Виктор опустил флягу и внезапно замер.

Справа от него, в тени массивной печи, там, где свет от заколоченного окна был самым тусклым, стояла она. Журналистка. Она была именно такой, какой он видел её в своём кошмаре — бледная, в промокшем платье, с прядями темных волос, прилипшими к щекам. Она не двигалась, просто стояла, глядя прямо перед собой невидящим взглядом. В

комнате стало так тихо, что Виктор слышал пульсацию крови в собственных ушах.

Его охватил парализующий, ледяной ужас. Он резко повернул голову, чтобы встретиться с ней взглядом. Но у печи было пусто. Только старые кирпичи и серые пятна плесени, которые в утреннем свете больше не напоминали лица.

Виктор сжал флягу так крепко, что пальцы побелели. Он был один. Но ощущение чужого присутствия было настолько осязаемым, что волосы на затылке встали дыбом. «Это место... здесь, действительно, что-то травится», — подумал он, вспомнив бред Холодова.

Чувствуя, как страх проникает глубоко в его сердце, он выбежал из дома. Он инстинктивно искал чистый воздух поскольку его мучило, причём так сильно, что мир вокруг плыл в сером мареве. Он бежал, пошатываясь, по тропинке, которая неумолимо вела его вниз, туда, где за стеной камыша чернело болото. Его вывернуло прямо у края черной топи.

Опираясь на склизкую корягу, он оказался лицом к лицу с самой сутью этого места. Прямо перед его глазами из размокшей земли торчали похожие на изуродованную кисть иссиня-черные пальцы мертвеца, торчащие из мха в последней попытке спастись. Он ужаснулся, ощутив, как реальность окончательно уходит из-под ног, но, вдруг, понял, что это лишь ксиярии — пугающие своим видом грибы, прорастающие сквозь гниль и принимающие столь зловещие формы.

Виктор встал и, пошатываясь, побрёл вдоль болота, чтобы

прийти в себя. Не успев пройти и нескольких десятков метров, он снова почувствовал сильный спазм и рухнул на колени у густой травы. Прямо перед его лицом поверхность чёрной жижи то и дело вздувалась уродливыми пузырями, которые с влажным чавканьем лопались, выпуская наружу зловонное дыхание недр. Это болото словно мучительно переваривало само себя, выплескивая в воздух невидимые миазмы разложения. Неподалёку лежала трясогузка. Она выглядела абсолютно целой, перышко к перышку, словно смерть настигла её мгновенно, прямо на земле, не оставив ни единой раны. Справа, в небольшом затоне застоялась вода, густая и кроваво-красная — зловещий след жизнедеятельности невидимых бактерий. В этом багровом зеркале плавал мёртвый лесной конёк, а над поверхностью висел тяжелый, гнилостный дух, от которого перехватывало горло. Казалось, сама земля здесь выдыхала проклятие, убивающее всё, что осмелилось склониться к жадной пасти болота.

— Болото забирает тех, кто не умеет слушать его дыхание, — раздался за спиной спокойный, вибрирующий голос, который, казалось, шёл из самой земли.

Виктор резко обернулся. В нескольких шагах от него, стоял высокий мужчина. Его облик странным образом сочетал в себе черты сурового отшельника и кабинетного исследователя: на нём был длинный, потемневший от сырости плащ, напоминающий походную мантию, под которым виднелась простая, но добротная рубашка, застёгнутая на все пугови-

цы. Ноги его были обуты в высокие, забрызганные торфом кожаные сапоги.

В руках он бережно сжимал толстую записную книжку в старом кожаном переплёте, края которой были обтрёпаны и потемнели от постоянного контакта с влажными ладонями. Из-под обложки во все стороны торчали многочисленные закладки. Тетрадь буквально распирала от вложенных в нее бумаг, а перехватывающий её кожаный ремешок едва сдерживал этот хаос информации. Но его взгляд приковало другое: в самом центре потемневшей кожи был выдавлен странный, сложный символ. Огромный змей, Уроборос, зацикленный в бесконечном движении, пожирал собственный хвост, а внутри этого кольца раскинуло узловатые ветви и мощные корни древнее дерево — Иггдрасиль.

Виктор в ужасе вспомнил татуировку с этим же знаком на запястье своего предшественника, лейтенанта Николая Холодова. После второго своего визита на кордон, он набил себе на руке в точности такой же символ, который он демонстрировал всем в отделе, поясняя, что смерть — это часть бесконечного круга, а распад — это высшая форма созидания. Теперь Виктор осознал, о чём в бреду твердил Холодов, когда он его увидел тогда в машине. Он уверял всех, что корни этого дерева теперь растут внутри него, а змей сжимает его кольца каждый раз, когда он пытается дышать.

Глядя на тетрадь с символом Уробороса вокруг Иггдрасиля в руках местного жителя, Виктор понял: это не просто

книга, это дневник наблюдений — личная летопись человека, который годами педантично фиксирует каждое движение этого умирающего леса.

Мужчина смотрел не на Виктора, а куда-то сквозь него, вдаль.

— Птицы быстрее нас чувствуют дыхание земли. Вы смотрите на них и видите гибель, а я вижу, как болото забирает своё. Это лишь часть бесконечного цикла, в который вы так беспечно вмешались.

Он наконец перевел взгляд на Виктора.

— Я Фёдор Банных, — просто сказал он, не делая попытки подойти ближе. — Тот, кого ваши коллеги называют пророком, а старые друзья — безумцем. Добро пожаловать на кордон, следовательно.

Виктор хотел ответить, но новый, ещё более мощный спазм скрутил его внутренности. Он не успел вымолвить ни слова — его снова вывернуло желчью в багровую жижу.

Фёдор не сделал ни шага, чтобы помочь, не предложил платок.

— Это тело сопротивляется правде, — негромко произнес Фёдор. Его голос был лишен сочувствия, в нём звучала лишь холодная констатация факта. — Вы же за ней сюда приехали? Но готовы ли вы её принять? Она может быть такая же неприятная, как это болото. Там, в вашем мире, всё красиво и комфортно. Но истина находится здесь. И она может быть чудовищной.

Виктор, не в силах стоять прямо, оперся ладонями о колени. Перед глазами плыли багровые пятна. Ему было слишком плохо, чтобы вникать в суть этих странных слов пророка. Разум фиксировал только пульсирующую боль в висках и невыносимый запах трясины.

Фёдор пригласил его к себе, указав на тропу, выющую между почерневшими деревьями, но Виктор, прижав руку к пульсирующему виску, выдавил:

— Я... я скоро подойду. Мне нужно подышать.

Фёдор лишь молча кивнул и исчез за деревьями, оставив следователя наедине с болотом.

Через десять минут тошнота немного отступила, оставив после себя странную, звенящую легкость. Виктор двинулся вглубь поселения. Он пошёл по тропе, которая больше напоминала шрам на теле земли. Справа бушевали растения-гиганты. Цикута и болиголов вымахали здесь выше человеческого роста; их трубчатые стебли, покрытые багровыми пятнами, похожими на трупные, венчали тяжелые зонтики цветов. Запах багульника — густой, смолистый, вызывающий тупую боль в затылке — висел в низине неподвижным слоем. Виктор заметил, что края листьев диких ландышей здесь почернели, словно их опалили невидимым огнем. Биоценоз менялся на глазах: лесные травы гибли, уступая место агрессивной растительности, которая, как живая колючая прово-

лока, оплетала всё на своем пути, и жирным, маслянистым поганкам с липкими фиолетовыми шляпками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.